

того, даже рискуя быть обвиненным в корреляционизме, стоит напомнить, что возможность прикоснуться к краю иного способа бытия доступна только тому, кто в принципе чувствителен к «упорной реальности краев» (с. 20). Научиться чему-то у другого — значит признать этого другого в его границах, сколь угодно нечетких и зыбких. В этом смысле внимание к многообразию сложно артикулированных пределов, рубежей и фронтов остается человеческой привилегией — но такой привилегией, синонимом которой должна стать не произвольная суверенность господства, а этико-политическая ответственность бытия-вместе.

Евгений Савицкий

По разные стороны от border studies:

СПОРЫ О ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ
ГРАНИЦ И ПОГРАНИЧЬЯ

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_329

A Companion to Border Studies / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan.

Malden; Oxford; Chichester: Wiley-Blackwell, 2012. — XVI, 620 p. —
(Blackwell Companions to Anthropology; Vol. 19).

Border and Bordering: Politics, Poetics, Precariousness /

Ed. by J. Sarkar, A. Munshi; With a Foreword by B. Ashcroft.

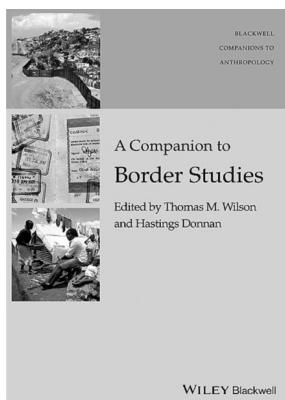
Stuttgart: ibidem, 2021. — 383 p.

«Эта книга — сборник статей, представляющий взгляды на то, откуда появились исследования границ и куда они направляются, — отражает современное состояние исследований границ, или, лучше сказать, современные состояния исследований границ», — пишут Томас Уилсон, профессор антропологии в Университете штата Нью-Йорк, и Хастингс Доннан, профессор антропологии в Университете Квинс в Белфасте, во введении к составленному ими «Путеводителю по исследованиям границ» (с. 1–2)¹. Чуть ниже они поясняют свое уточнение: «Исследования границ

1 Уилсон и Доннан подготовили целый ряд сборников по исследованиям границ и пограничья: *Border Approaches* / Ed. by H. Donnan, T.W. Wilson. Lanham: University Press of America, 1994; *Border Identities: Nation and State at International Frontiers* / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; *Culture and Power at the Edges of the State: National Support and Subversion in European Border Regions* / Ed. by T.M. Wilson, H. Donnan. Münster: Lit, 2005 и др. Их собственное недавнее исследование касалось изменений в культурной идентичности ирландцев в связи с интеграцией в ЕС и изменением характера границы между Республикой

сегодня — это “поле”, состоящее из многих полей и в то же время не образующее единого обособленного поля. Исследования пограничья подобны тому, что они изучают: укорененные в пространстве и времени, они связаны с текучестью и процессуальностью» (с. 4).

«Пожалуйста, обратите внимание, что это отнюдь не еще один том по критическим исследованиям границ или региональным исследованиям, — пишут девять лет спустя Джейджит Саркар и Ауритра Мунши, преподаватели английского языка и литературы в Райганджском университете (Индия), во введении к сборнику «Границы и разграничение»². — В осмыслиении границ мы выдвинулись за пределы исследований границ и региональных исследований, поскольку считаем, что сегодня “исследования”, производимые в рамках исследований пограничья и региональных исследований, так же дисциплинарно ограничены, как сами пределы национальных государств» (с. 19).

Можно заметить, что составители первого сборника, делая оговорку о множественности и текучести своей исследовательской области, в то же время прибегают к метафоре полей, но не как полей напряжения, а как нарезанных участков, где каждый занят своим делом. Составители второго сборника, претендуя на выход за рамки дисциплинарных ограничений, используют довольно традиционную для научных исследований метафору перехода установленных границ, движения дальше предшественников, которой нередко приписывались насильственные колониально-захватнические коннотации, характерные в целом для европейского знания Нового времени. Неслучайно, например, у Канта рассуждения о трансгрессивном

опыте эстетически возвышенного приводят к восхвалению войны³, а ключевой теоретик романтизма Ф. Шлегель предлагал «беспощадно бороться и по возможности искоренять» все, что противостоит понимаемой им в кантовском духе «эстетической революции»⁴.

В свое время, рассуждая о границах и пересекающих их беженцах, Борис Гройс выделял «классическую» и «романтическую» модели их эстетической валоризации⁵. По его словам, мигранты обычно описываются либо как «дорогие сограж-

Ирландией и Северной Ирландией в составе Соединенного Королевства: *Wilson T.M., Donnan H. The Anthropology of Ireland*. New York; London: Routledge, 2020. Осмыслинию роли границ в конструировании и трансформации национальных идентичностей была посвящена также более ранняя их монография: *Donnan H., Wilson T.M. Borders: Frontiers of Identity, Nation and State*. New York; London: Routledge, 1999.

2 Саркар — автор работ по геопоэтике, о мигрантской литературе и о болезни как форме литературного письма: *Sarkar J. Illness as Method*: Beckett, Kafka, Mann, Woolf and Eliot. Wilmington: Vernon Press, 2019; *Geographia Literaria: Studies in Earth, Ethics, and Literature* / Ed. by J. Basu, J. Sarkar. Stuttgart: ibidem, 2021; *Trans(in)fusion and Contemporary Thought: Thinking in Migration* / Ed. by J. Sarkar. Lanham: Lexington Books, 2023. Мунши занимается исследованиями диаспоральной литературы, в частности произведений Дж. Лахири: *Munshi A. Jhumpa Lahiri's Works in Transition: Towards a New Space*. Stuttgart: ibidem, 2024.

3 Кант И. Критика способности суждения / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2006. С. 198—199.

4 Шлегель Ф. Об изучении греческой поэзии // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. / Сост., пер. с нем. Ю.Н. Попова. Т. 1. М.: Искусство, 1983. С. 123.

5 Groys B. Der Asylant in Ästhetischer Sicht // Groys B. Logik der Sammlung. München; Wien: Carl Hanser, 1997. S. 145—153.

дане», такие же люди, как все другие, либо как представители иных интересных культур, прибытие которых обогащает культуру принимающей страны, хотя многие видят в этом и угрозу «подспудной оккупации». В целом в европейской культуре с XIX века ценится или удачное следование нормам, или оригинальное отклонение от них. Однако реальные мигранты плохо соответствуют таким эстетическим идеалам. Они слишком стремятся приспособиться к условиям страны пребывания, чтобы быть «романтичными», и при этом их успехи в интеграции недостаточно убедительны, чтобы соответствовать нормам «классики». Таким образом, они оказываются в своего рода серой зоне, не соответствую ни одной из принятых моделей культурной ценности. В этих условиях предпринимаются попытки представить их хотя бы как важных носителей культурного синтеза. Вот только это синтез плохо усвоенного с плохо припоминаемым, и мультикультураллистские попытки представить его в качестве новой культурной нормы выглядят опять-таки неубедительно — они не способны вывести беженцев из «серой зоны» эстетически не воспринимаемого, что усиливает отношение к мигрантам как к потенциальной угрозе⁶.

В какой мере двум рассматриваемым сборникам, предлагающим возделывать отдельные поля или ликвидировать межи, удается выйти за рамки альтернативы «классического» и «романтического»? Как именно предлагается в них исследовать границы и пересекающих их людей? Что ставят себе целью такие исследования?

Во введении к «Путеводителю...» возникновение междисциплинарных исследований границ, пограничья и фронтиров связывается с тем, что никогда в истории еще не было такого количества границ между государствами и, соответственно, никогда еще границы не оказывали столь большого воздействия на жизнь миллионов людей. Это не вполне убедительное утверждение, основанное лишь на увеличении количества государств — членов ООН в послевоенное время, а также на очень обобщенном понимании границ, которые в разных частях мира представляют собой весьма различные явления: от бетонных стен с вышками и колючей проволокой до едва заметных в повседневной жизни линий на карте. Как бы то ни было, задача исследований в этой области видится в том, чтобы выявить и описать те силы, что приводят к появлению все большего количества границ. Что же это за силы? Пара-доксальным образом это то, что часто трактуется в качестве факторов размывания границ: глобализация, неолиберализм, неоимпериализм, позднемодерный капитализм и супранационализм (то есть создание наднациональных межгосударственных объединений). Как видно из этого набора понятий, факторы формирования границ оказываются преимущественно чем-то негативным и в то же время представляют собой теоретические обобщения, во многом предзадающие возможные ответы на исследовательские вопросы. На опасность оперирования такого рода большими теориями в исследованиях социального пространства справедливо указывали в свое время Ольга Бредникова и Оксана Запорожец во введении к сборнику «Микроурбанизм: город в деталях»: «Нам хотелось избежать доминирования большой рамки (капитализм и постсоциализм, индивидуализирующее общество и общество потребления и т.д.). «Глобальные подходы», имея великую универсализирующую силу, неизбежно производят и «социальную тотальность» — представление о преимущественной значимости не зависящих от обывателей структурных факторов, определяющих конфигурацию городской жизни. Подобная расстановка

6 Подобной эстетической невоспринимаемостью отличается, по Гроису, и «посткоммунистическое состояние» как незавершенный переход от «инаковости» к «нормальности». См.: Groys B. Jenseits der Heterogenität: Die Ideologie der Cultural Studies und ihr postkommunistisches Anderes // Groys B. Topologie der Kunst. München; Wien: Carl Hanser, 2003. S. 232–254.

акцентов успешно маскирует или откровенно нивелирует все иные векторы <...>⁷. Авторы же введения к «Путеводителю...» ставят себя рядом не с обывателями, а с государственными деятелями с их «взглядом сверху»: «Исследования границ приобрели особую значимость, поскольку как ученые, так и люди, ответственные за политические решения, распознали, что основная часть явлений значимых для трансформации национальной и интернациональной политической экономики связана с пограничьям» (с. 1). К таким особо значимым для современности явлениям авторы относят «миграцию, торговлю, контрабанду и безопасность». Важные в целом для государства, в пограничье связанные с этими явлениями проблемы выступают особенно рельефно. Граница, таким образом, понимается прежде всего как то, что требует государственного регулирования: борьбы с нежелательным проникновением дешевых товаров и рабочей силы, преступников и захватчиков. Занимаясь прежде всего большими геополитическими трансформациями вроде краха колониализма, распада советского блока, евроинтеграции и «войны с террором», авторы мало интересуются множеством индивидуальных и весьма различающихся позиций людей перед лицом границ.

Впрочем, как антропологи, то есть этнологи в российском понимании, авторы введения не могут не упомянуть и об исследованиях пограничья «снизу». По их словам, «антропологическая этнография фокусируется на локальных сообществах у международных границ, чтобы исследовать материальные и символические культурные процессы» (с. 6). Локальные сообщества оказываются здесь вновь подчинены более общим конструкциям. Кроме того, по словам Уилсона и Доннана, «локализмом» отличалось в основном «первое поколение антропологических исследований пограничья», сосредоточенное на местных сообществах и не способное распознать, как влияют на их жизнь более широкие национальные и наднациональные факторы.

Новейшие исследования стремятся преодолеть этот недостаток. Так, продолжают авторы, сотрудничество с географами позволило больше внимания уделять пространственному измерению границ, коррелированию социально-экономических и политико-культурных процессов с физическими условиями среды⁸. Взаимодействие с историками позволило использовать введенное еще в 1920 году Фредериком Джексоном Тёрнером понятие фронтира⁹ и в большей мере учитывать временную перспективу. В 1990-е годы, на ранних этапах становления исследований пограничья, основным объектом изучения была проблемная американо-мексиканская граница. В частности, ей была посвящена книга историка Оскара Мартинеса «Порубежные люди: жизнь и общество в пограничье США и Мексики», выявившая функциональные сходства этого пограничья с другими рубежными регионами мира, связанные с ролью границ в регулировании и контроле политических и социальных взаимодействий¹⁰. Используя понятие «пограничная социальная среда», Мартинес выстроил типологию пограничий: отчужденные, сосуществующие, независимые и интегрированные. Пользу исторических исследований Уилсон и Доннан видят, таким образом, в создании общих конструкций и типологий, показывающих варианты государственного регулирования «проблемных» границ.

7 Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм: ловушка для города // Микроурбанизм: город в деталях / Под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13–14.

8 Авторы указывают на особое значение книги Джона Прескотта: *Prescott J.R.V. Political Frontiers and Boundaries*. London: Allen and Unwin, 1987.

9 См.: Тёрнер Ф.Дж. Фронтира в американской истории / Пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009.

10 См.: Martinez O.J. *Border People: Life and Society in the US-Mexico Borderlands*. Tucson: The University of Arizona Press, 1994.

Исследования приграничья в социологии отличаются, по их словам, особым интересом к «социальным группам, институциям и движениям», что позволило уделить больше внимания разным меньшинствам и формам их существования по разные стороны от государственных границ. При этом границы понимались не только как то, что разделяет, но и как стимул для укрепления идентичности миноритарных групп, осознающих свое особое положение на краю и одновременно на переднем крае национального сообщества. С этим связана амбивалентность трансграничных взаимодействий, на которую обращал внимание Раймондо Страссолдо¹¹. Вообще, резюмируют Уилсон и Доннан, изучение сложности и множественности идентичностей в пограничных регионах стало центральной темой социологических исследований границ.

Статьи сборника также демонстрируют большое дисциплинарное и методологическое разнообразие, отличаясь, впрочем, как и введение, взглядом на границы «сверху». Так, первую статью под кратким заглавием «Разделение» можно отнести к области теории международных отношений. Ее автор, профессор политологии в Пенсильванском университете *Брендан О'Лири*, начинает с терминологических различий между разделением государства и отделением от него, что призвано упорядочить множество спорных случаев: было ли появление Пакистана разделением Британской Индии или отделением от нее? Был ли распад СССР его разделением на независимые государства или их отделением? Все определяется тем, по О'Лири, происходит ли возврат к неким ранее существовавшим границам, о возрождении которых грезят разного рода сепаратисты, или же создается «свежее» разделение, призванное дать образующимся частям «новое дыхание»: подразумевается, что части смогут жить лучше, чем до этого жило целое, поскольку это решает целый ряд социальных, этнических, религиозных и прочих проблем. Впрочем, иногда разделение может описываться и как политическая ампутация, призванная защитить организм от поразившей одну из его частей гангрены, — например, разделение Ирландии с сохранением «здоровой», как тогда казалось, части в составе Соединенного Королевства и отделением более проблемной. В известном смысле так может быть трактовано и разделение на «здоровую» и «больную» части Подмандатной Палестины в конце 1940-х годов или Кипра в начале 1970-х.

Практики разделения особенно часто использовались британскими колониальными властями; они навязывались сверху, что противоречило демократическим принципам, и в большинстве случаев не предотвращали насилия, а лишь усугубляли и продлевали его. Оправдывая действия британских политиков и чиновников, О'Лири отмечает, что те чаще всего не были сторонниками разделений. Это были вынужденные меры, поскольку процессы расширения демократических прав в колониях, протекторатах и на подмандатных территориях делали консенсус между различными этническими и религиозными группами едва ли возможным. Сторонники разделения также отнюдь не сразу приходили к этой идее, как показывает пример Мухаммада Али Джинны, долгое время отстаивавшего единство Индии. По мнению О'Лири, истинная причина разделений в том, что идентичности далеко не столь подвижны, как обычно считается, и политикам, даже искренне желающим единства, порой приходится признать силу различий и приспособить к ним свои требования. Означает ли это, что сепаратистское отделение по истори-

11 См.: *Strassoldo R. Border Studies: The State of the Art in Europe // Borderlands in Africa / Ed. by A.I. Asiwaju, P.O. Adeniyi. Lagos: University of Lagos Press, 1989; Cooperation and Conflict in Border Areas / Ed. by R. Strassoldo, G. Delli Zottin. Milano: Franco Angeli, 1982.*

ческим границам лучше «свежих» разделений? Многое говорит в пользу этого, но, как считает О’Лири, преимущества и возможные негативные последствия обоих решений еще нуждаются в продумывании; так или иначе, разделения все же сохраняют потенциал предотвращения войн и этнических чисток¹².

Следующая статья, написанная профессором антропологии в Техасском университете в Эль-Пасо *Джозайей Хейманом*, посвящена применимости подходов культурной антропологии к изучению границы США и Мексики. Так, Ренато Розалдо, один из ведущих представителей культурной антропологии, еще в 1980-е годы критиковал теоретические модели, которые исходили из идентификации общества с какой-то одной культурой, а государства — с единой гомогенной территорией, и обращал внимание на культурную гибридность в пограничных зонах, что в дальнейшем стало активно исследоваться¹³. Такой подход был подвергнут критике в работах Пабло Вилы¹⁴. По его мнению, предположение о том, что в центре культуры непременно более гомогенна, чем на окраинах, ошибочно — часто дело обстоит наоборот: терпимость к культурным различиям в центре выше, чем в окраинных регионах, где жители гораздо больше озабочены поддержанием различий. Так, чикано (американцы мексиканского происхождения, чьи предки оказались жителями США по результатам Американо-мексиканской войны 1845–1848 годов) настойчиво противопоставляют себя как современным мексиканцам, так и белым англо-американцам. Хейман соглашается с Вилой и напоминает о построенной Мартинесом типологии пограничных обществ, отличающихся разной степенью открытости. Но как возникают такого рода различия? Хейман обращает внимание на то, что до Великой депрессии американо-мексиканская граница была открытой и люди легко перемещались в обе стороны, потребности в противопоставлении жителей по обе стороны границы не было. Но затем подверженный кризисам капитализм стал нуждаться в более прочных границах, что привело к возникновению идей расового и культурного превосходства жителей США. Граница превратилась в инструмент контроля за дешевой рабочей силой, удержания нежелательных людей вовне. В итоге культурная гибридность затрагивает лишь небольшую часть жителей пограничья, а значит, акцентирование исследователями вслед за Розалдо именно таких случаев искаивает общую картину¹⁵.

Нигерийский историк Энтони Эсиуай из Лагосского университета сопоставляет программы развития пограничного сотрудничества Африканского союза и

12 См. также: *O’Leary B. Analyzing Partition: Definition, Classification and Explanation // Political Geography*. 2007. Vol. 26. No. 8. P. 886–908. Другие работы О’Лири посвящены актуальной проблематике передвижения границ и «придания оптимального размера» государствам: *Right-sizing the State: The Politics of Moving Borders* / Ed. by B. O’Leary, I.S. Lustick, T. Cllaghy. Oxford: Oxford University Press, 2001; *O’Leary B. Making Sense of a United Ireland: Should It Happen? How Might It Happen?* London: Sandycove, 2022. О демократии, разделении и насущной теме кризиса глобализации см. также: *Schaeffer R.K. Severed States: Dilemmas of Democracy in a Divided World*. New York: Rowman & Littlefield, 1999; *Idem. After Globalization: Crisis and Disintegration*. New York: Routledge, 2021.

13 См.: *Rosaldo R. Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis*. Boston: Beacon Press, 1989.

14 См.: *Vila P. Crossing Borders, Reinforcing Borders: Social Categories, Metaphors, and Narrative Identities on the US-Mexico Frontier*. Austin: University of Texas Press, 2000; *Idem. Border Identifications: Narratives of Religion, Gender, and Class on the US-Mexican Border*. Austin: University of Texas Press, 2005; *Ethnography at the Border* / Ed. by P. Vila. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

15 См. также: *Heyman J. McC. On US-Mexico Border Culture // Journal of the West*. 2001. Vol. 40. No. 2. P. 50–59.

трансграничных программ в Евросоюзе¹⁶. Он отмечает большие успехи ЕС в демонстрировании внутренних границ и задается вопросом, почему то же самое не происходит в Африке, хотя эта тема уже долго обсуждается. В частности, важность демонтажа границ была признана Аддис-Абебской декларацией глав африканских государств в 2007 году. Поскольку нынешние линии разделения между африканскими странами представляют собой колониальное наследие, избавление от них будет важным шагом к его преодолению. Как отмечает автор, сопоставление Африки и Европы встречает ряд препятствий. Так, Джон Прескотт писал, что природа границ в Европе и Африке различна: в одном случае они сложились как продукт естественного исторического процесса, а в другом — были искусственно навязаны извне¹⁷. Эсиуайу полагает, что такое противопоставление неоправданно. И в Европе границы большей частью основаны на завоеваниях или различного рода манипуляциях, напоминающих колониальные «приобретения территорий» у туземцев. Так, современная франко-испанская граница возникла в результате манипуляций французских представителей с картами при заключении Пиренейского мира в 1659 году. В Европе, как и в Африке, все еще есть разделенные народы, достаточно вспомнить басков и каталонцев. Эсиуайу напоминает о важной книге американского историка Питера Салинза, исследовавшего становление пиренейской границы между Францией и Испанией и показавшего, что представление о границе как о линии, четко определяющей государственную принадлежность людей, устраниющей прежнюю систему множественных феодальных зависимостей, возникло в Европе довольно поздно и утверждалось нелегко¹⁸. В значительной мере формирование границ в Европе было связано и с тем, что называется внутренней колонизацией¹⁹. Тем самым Европа и Африка оказываются гораздо более сопоставимы, чем обычно считается. После 1945 года границы в Европе превратились из фактора военного противостояния в фактор сотрудничества, и африканским странам, считает автор, надо следовать этому примеру, заимствуя лучшее из европейского опыта, который отнюдь не является совершенно чуждым.

Подробнее тема политики ЕС в отношении границ рассматривается в статье профессора Карельского института при Университете Восточной Финляндии и Свободного университета в Берлине Джеймса Скотта. Автор в основном воспроизводит официальную риторику ЕС о важности преодоления национально-государственных разделений и налаживания трансграничного сотрудничества, указывает

16 См. также его исследования о колониальных истоках африканских границ и возможностях их сопоставительного исследования, в частности на примере Йорубаленда в пограничье британской Нигерии и французской Дагомеи (ныне Бенина): *Asiwaju A.I. Western Yorubaland under European Rule, 1889–1984: A Comparative Analysis of French and British Colonialism*. London: Longman, 1976; *Partitioned Africans: Ethnic Relations across Africa's International Boundaries, 1884–1984* / Ed. by A.I. Asiwaju. New York: St. Martin's Press, 1985. См. также: *That They May Be One: African Boundaries and Regional Integration: Essays in Honour of Professor Anthony Ijaola Asiwaju* / Ed. by A.O. Akinyeye. Imeko: African Regional Institute, 2009.

17 См.: *Prescott J.R.V.* Op. cit.

18 *Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkley: University of California Press, 1989. Позднее Салинз исследовал и то, как во Франции XVIII века избираются правовые статусы гражданина и иностранца, приходящие на смену менее определенным и множественным отношениям феодального подданства: *Sahlins P., Dubost J.-F. Et si on faisait payer les étranger? Louis XIV, les immigrés et quelques autres*. Paris: Flammarion, 1999; *Sahlins P. Unnaturally French: Foreign Citizens in the Old Régime and After*. Ithaca: Cornell University Press, 2004.

19 См.: *Бартлетт Р. Становление Европы: экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры: 950–1350 гг.* / Пер. с англ. С.Б. Володиной. М.: РОССПЭН, 2007.

на эффективность соответствующих программ. Последние видятся ему тем более важными, что границы представляют собой не просто линии, а конкретные практики существования людей, образующие эти границы (*bordering*), и потому недостаточно отменить границы административными методами, нужно способствовать и новым формам отношений между людьми вдоль бывших границ. Правда, автор отмечает, что ослабление внутренних границ ЕС происходит за счет усиления внешних рубежей, но и здесь ЕС реализует программы трансграничного сотрудничества. В конце статьи Скотт сравнивает формы взаимодействия вдоль польско-немецкой и российско-финской границ. В первом случае можно говорить о формировании единого польско-германского еврорегиона, служащего платформой для политического диалога и экономического развития. Но и во втором случае, несмотря на все сложности, заново осознается общее историческое прошлое по обе стороны границы, интенсифицируются контакты между университетами, а бывшие советские гарнизонные города становятся притягательными для туристов (в статье описывается ситуация 1990–2000-х годов). Автор отмечает важность меняющегося символизма границ, воплощающегося в новых дискурсивных практиках, формах повседневного поведения, эмоциональных переживаниях сопринаружности, а также в художественных презентациях²⁰.

Официальная риторика ЕС воспроизводится и в статье преподающего в Университете Виктории (Канада) политолога Эммануэля Брюно-Жайи, посвященной современным формам обеспечения безопасности границ в Европе и Северной Америке. Автор с удовлетворением отмечает, что страны Европы «вложили миллиарды евро» в «умиротворение регионов на ее непосредственной периферии» (с. 104). Ставится задача создать кольцо хорошо управляемых государств к востоку и югу от ЕС, что подразумевает не только преобразование «дисфункциональных обществ», но также борьбу с организованной преступностью и чрезмерным (по мнению властей ЕС) ростом населения. Соседние страны поощряют переходить на европейские стандарты обработки, хранения и предоставления касающейся безопасности информации, в частности собирать биометрические данные, что позволяет действительно успешно реализовать «контроль и надзор — две основные цели политики Шенгена» (с. 105). США в этом отношении, по мнению автора, менее успешны, поскольку придерживаются старого вестфальского принципа нерушимости национальных границ и в меньшей степени ориентированы на создание трансграничных систем безопасности на своей периферии. Между тем современные угрозы включают в себя распространение эпидемий, загрязнений окружающей среды, нежелательной информации и еще много такого, с чем едва ли можно достаточно успешно справиться в рамках текущей пограничной политики США.

За этой «охранительной» статьей следует другая, написанная, напротив, в радикально-левацком ключе. Ее автор, профессор-антрополог из Принстона Джон Борнеман²¹, сразу заявляет, что поскольку вокруг нас один капитализм, то и угрозы могут исходить только от капитализма. Циркуляция насилия есть побочное явление современной глобальной циркуляции людей и капитала. По словам автора,

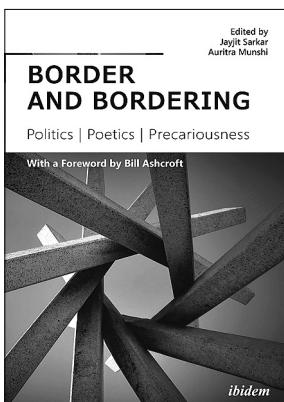
20 О меняющихся границах включения и исключения по мере расширения ЕС см.: EU Enlargement, Region-building and Shifting Borders of Inclusion and Exclusion / Ed. by J.W. Scott. Aldershot: Routledge, 2006.

21 Борнеман специально занимается изучением последствий возведения пограничных разделятельных стен в Германии и на Ближнем Востоке: Bornemann J. After the Wall: East Meets West in the New Berlin. New York: Basic Books, 1991; *Idem*. Settling Accounts: Violence, Justice, and Accountability in Postsocialist Europe. Princeton: Princeton University Press, 1997; *Idem*. Syrian Episodes: Sons, Fathers, and an Anthropologist in Aleppo. Princeton: Princeton University Press, 2007.

территориальность современного государства есть продукт разложения докапиталистических производственных отношений и становления капиталистических, чему сопутствует переход от донациональных форм политики к национальным. Территориальность есть способ контроля за населением посредством ограничения пространства, на котором оно размещается. В докапиталистических обществах извлечение прибыли требовало прямого политического контроля, именно поэтому колониальные империи нуждались в захвате территорий и рабском труде. При капитализме же прибыль извлекается из «свободного» работника, контроль над которым осуществляется не прямо, а через «демократическое» национальное государство. «Свобода» локализуется именно в национальном государстве, при этом ее нет ни в сфере производства внутри государства, где нужно беспрекословно подчиняться частному собственнику предприятия, ни за пределами государства, где человек, становясь мигрантом, утрачивает связанные с национальным государством гарантии своих прав и свобод, лишается права демократического участия. Демократия остается за проходной завода и за пограничным шлагбаумом. Она связана к границам, которые определены недемократично, с использованием силы в ходе войн.

Столь же недемократично, продолжает автор, решаются в современном мире и вопросы об инвестировании денег. Лишая прав, границы служат удешевлению рабочей силы и регулированию ее потоков для нужд интернационального капитала. Произошел переход от старых территориальных империй к новым неформальным, оперирующим посредством якобы независимых, демократических национальных государств. В частности, проект единой Европы обернулся административно-авторитарным капитализмом, господством обществ с ограниченной ответственностью. Условие существования неформальных империй — разделение сфер «свободной» политики и «естественной» экономики. Так, требования независимости оказываются приложимы только к политической сфере, а присутствие в стране иностранного капитала деполитизируется, за ним признаются те же права, что и за местным, в итоге можно обходиться без прямого принуждения. Современные национальные государства узурпировали право людей на свободу передвижения так же, как раньше государство монополизировало право на легитимное насилие, а капиталисты — средства производства. Всякий человек считается заведомо виновным и лишенным права свободно передвигаться, пока не показал нужный паспорт. Впрочем, эта система неформальных империй начинает переживать упадок, и первым его признаком можно считать то, что США пришло в 2003 году прибегнуть к прямой оккупации Ирака. Дальнейшее ослабление глобальной гегемонии Запада приведет к усилению автаркических тенденций и к потребности во все новых оккупациях. В заключение автор пишет, что границы будут существовать, пока существует капитализм. Мы не в силах их отменить, но можно ставить себе более скромные задачи — подвергать критическому пересмотру разделения политики и экономики, что уже началось после банковского кризиса 2008 года. Теория Борнемана выглядит довольно убедительной, но в основном благодаря тому, что целиком основана на неомарксистской доктрине, принимаемой им в качестве бесспорной.

В других статьях сборника исследуются история формирования границы США и Канады, трансформации в восприятии границы Республики Ирландии и Северной Ирландии, последствия Парижской коммуны для переосмыслиения границ во Франции периода Третьей республики и др. Как видно по приведенным примерам, дисциплинарные поля и используемые в них теоретические подходы действительно весьма разнятся, не образуя единого целого, но пересекаясь в определении ряда проблем. Общим остается стремление рассмотреть ситуацию в целом, избегая фиксации на опыте отдельных людей, имеющих дело с границами.

Изучение «живого опыта границ» «как эпического, так и банального» (с. 17) оказывается в центре внимания авторов сборника «Границы и разграничение». Правда, он открывается небольшим предисловием Билла Эшкрофта, который в духе Борнемана заявляет, что основной виновник существования границ — капитализм, заинтересованный в поддержании неравенства, в эксплуатации международного разделения труда. Обслуживающие этот капитализм национальные идеологии мешают нам мыслить мир без границ, и потому они страшнее обмотанных колючей проволокой физических границ. Национализм — вот главный источник насилия в современном мире²². Поскольку с самими границами и их природой, таким

образом, все более или менее ясно, остается вопрос об их влиянии на нашу идентичность, о возможности индивидуальной внутренней работы с опытом разграничения (bordering) во всем его разнообразии. Поэтому авторов сборника интересует опыт границ в самых разных его формах: метафоры границ и границы как метафоры; переживаемые на границах страхи и надежды; способы преодоления и разрушения границ как внутренних, так и внешних; их картографирование и переписывание; амбивалентность границ как соединения и разделения; границы как то, что замыкает и все же позволяет собраться в себе и т.д.

Связкой глобального и индивидуального маркировано уже начало первой статьи, написанной Эммой Масти, преподавательницей Аберистуитского университета в Уэльсе. Она пишет, что многое путешествует и даже над этой своей статьей работает в пути, но эта свобода пересечения границ обретена в ходе насильственного исторического процесса, а отнюдь не распространения прав человека; это достижение британского колониализма, империализма и капитализма. По мнению Масти, личный опыт всякого человека может быть прочитан как карта прошлых насилий, и примеры этому можно найти в современной литературе. Создаваемые мигрантами тексты позволяют увидеть современные карты и границы на них в совершенно ином свете, чем их видит человек, путешествующий с британским или каким-то иным «хорошим» паспортом. Эти границы отражают колониальное прошлое и пришедшее в движение настоящее. Голос мигрантов почти не слышен в новостях, они чаще фигурируют просто как статистика, дискурс о них обычно деперсонализирован и эмоционально отстранен, но современная литература способна заполнить эту пустоту, регулировать дебаты о мигрантах. Вслед за Питером Турчи²³ Масти

-
- 22 В этом отношении Эшкрофт противоречит другим представителям постколониальных исследований, считающих патологизацию насилиственного национализма имперской реакцией на освободительные движения, на «неправильное» переприсвоение неевропейцами идеи нации, привнесенной изначально в «отсталые» страны в качестве элемента колониальной педагогики — воспитания в дикарях понятия нации/гражданского общества. Подобной двойственностью отличаются дискуссии о национализме и на постсоветском пространстве. При этом обоснованность присвоения антиколониальными националистами права говорить от имени освобождающейся «нации» в любом случае спорна. См., в частности: *Chatterjee P. Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories*. Princeton: Princeton University Press, 1993; Абашин С. Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- 23 *Turchi P. Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*. San Antonio: Trinity University Press, 2004.

рассуждает о том, что роман или рассказ подобны карте, поскольку не являются самим миром, а лишь указывают на него, при этом авторы выбирают, что показать, создавая тем самым белые пятна, где якобы ничего нет. Отсутствующие голоса в литературе подобны пустотам на картах. И, как и карта, литература предлагает лишь одну из возможных точек зрения. Люди нуждаются в картографировании, их ориентация в мире — это прочерчивание границ; при этом, однако, карты могут или помещать нас в центр мира, или делать так, что мы исчезнем, и этим они опасны. Не быть на карте — значит не быть важным, что подчеркивают метафоры вроде «джунглей», применяемые к мигрантским районам во Франции или к соседним странам. Происходящий в последние годы сдвиг от изучения литературы изгнания к литературе мигрантов/миграций позволяет создать транснациональную, космополитичную, многоязыковую и гибридную карту мира. Сама Масти показывает на примере краткого анализа двух литературных текстов, как может происходить такое перекартографирование.

В рассуждениях Масти мигранты виктимизируются, и это происходит также в статье *Николетты Полицек* о детях без гражданства. В ней, с одной стороны, разбираются многочисленные международные документы, призванные регулировать положение таких детей, а с другой — рисуются картины разнообразных страданий, которым подвергаются эти дети в реальности, что требует исправления ситуации. Следующая статья, написанная *Сальваторе Перри*, посвящена Гризелидис Реаль (1929—2005) — швейцарской писательнице, художнице, активистке и простиутке с тридцатилетним стажем. Воспитанная в строгой католической семье, где ее сексуальность якобы всячески подавлялась матерью, Гризелидис затем всю жизнь стремилась к преодолению навязанных ей границ, занималась осмыслением и художественными репрезентациями своего опыта, что Перри сравнивает с проблематизацией границ отвратительного у Юлии Кристевой²⁴.

В другой статье, написанной *Прией Менон*, говорится об иммигрантах из стран Южной и Юго-Восточной Азии, работающих в богатых государствах Персидского залива, об осмыслении ими своих жизней и об их литературных репрезентациях. Художественные практики осмысления границ и пограничного существования находятся в центре внимания и в следующих статьях. Исследуется память о разделении Бенгалии на индуистскую и мусульманскую части в местной песенной культуре, где одновременно воображается и обретает фикциональную реальность единая Бенгалия; рассматривается современное американское кино, привлекающее внимание к разного рода границам, окружающим нас в повседневной реальности, и побуждающее эти границы исследовать, влияющее в этом отношении на популярную культуру; в еще одной статье обращается внимание на репрезентации в современном бенгальском кино поездов, которые выступают как визуальные метафоры желания, памяти, но также и отчуждения, что делает их воплощением пограничности.

В этих и других статьях сборника авторам действительно удается избежать взгляда на границы «сверху», характерного для «Путеводителя...» Уилсона и Доннана, но достигается это во многом за счет эстетики страданий, создающей впечатление подлинности раскрываемого опыта. Характерно, что во введении к сборнику Саркар и Мунши пишут о фотографии утонувшего при попытке переплыть границу с США беженца, все еще прижимающего к себе свою мертвую дочь-младенца. Авторы задаются вопросом, способна ли отстраненная научная речь представителей «исследований границ» быть адекватной ужасу этой фотографии. Тем самым они

24 Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с фр. А. Костиковой. Харьков: Ф-Пресс, ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2003.

перефразируют вопросы, задававшиеся по поводу границ репрезентации Холокоста²⁵. Однако, как и в случае с Холокостом, отказ от широкой контекстуализации вовсе не является безупречным решением ни в моральном, ни в сугубо научном плане. Хотя статьи двух сборников слишком разнообразны, чтобы их можно было однозначно отнести к образцам «классической» или «романтической» эстетики, вопрос о соотношении близости и дистанции при рассмотрении границ и пересекающих их людей так и остается нерешенным²⁶.

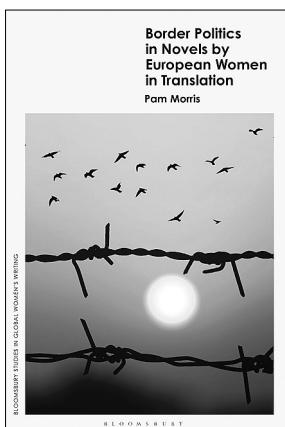
Анна Стогова

Поток, сметающий преграды?

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_340

Morris P. Border Politics in Novels by European Women in Translation.

London; New York; Dublin: Bloomsbury Academic, 2024. — VIII, 215 p. — (Bloomsbury Studies in Global Women's Writing).

Если совместить критическую теорию с литературоведением, в фокусе внимания окажется письмо как действие и социально-критическое значение порождаемых литературой нарративов, даже (или особенно) если этим нарративам нет места за пределами литературного вымысла. Именно с такой позиции организовано исследование британской специалистки по современной литературе и представительницы феминистской литературной критики Пэм Моррис «Политика границ в переводных романах европейских писательниц». Объектами рассмотрения являются политика разграничения и нарративы, создаваемые современными писательницами ей в противовес. И для самих романисток, и для Моррис, основывающей на их историях собственное повествование о литературе как о пространстве контраарретивов, политика границ является одной из наиболее болезненных и проблемных составляющих современной культуры. Исследовательница предлагает социально и политически ангажированное рассмотрение как литературного творчества, так и интерпретации художественного текста.

ранстве контраарретивов, политика границ является одной из наиболее болезненных и проблемных составляющих современной культуры. Исследовательница предлагает социально и политически ангажированное рассмотрение как литературного творчества, так и интерпретации художественного текста.

25 См.: *Probing the Limits of Representation: Nazism and the “Final Solution”* / Ed. by S. Friedlander. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

26 Материал подготовлен в рамках проекта Минобрнауки РФ № 075-15-2024-537.